

**ВОПРОС И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА «БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»: АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ИИ
ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ**

К.А. Черник, О.Н. Горина, Е.А. Селиванова

Полесский государственный университет

Пинск, Республика Беларусь

kseiniyachernik667@gmail.com, olya.gorina.28@mail.ru, Elena-seliwanowa@mail.ru

В данной статье исследуются возможности и проблемы искусственного интеллекта в переводе экспрессивных средств в художественной литературе на примере материалов романов Германа Гессе; приводится статистика количества случаев отвечающего требованиям и нуждающегося в доработке перевода ИИ; предлагаются практические рекомендации по использованию ИИ при переводе художественных текстовых материалов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; экспрессивные средства; человеческий перевод; адекватность; эквивалентность.

Художественная литература является одним из фундаментальных столпов мировой культуры, представляя собой сложную систему, насыщенную многообразными стилистическими приемами, что представляет особый интерес для лингвистического анализа и переводоведения. В данной статье объектом исследования являются экспрессивные средства (далее – ЭС) в художественной литературе. В современной лингвистике и переводоведении антропоцентрический подход выводит на первый план личность автора и его эмоциональное воздействие на аудиторию; адекватная передача экспрессивности – ключ к сохранению авторского «Я» в иноязычной среде, что необходимо для понимания читателем значений, образов, символов. Однако в условиях стремительной цифровизации процесс перевода даже требующих человеческой философичности материалов всё чаще становится гибридным либо же, что губительно для художественной литературы, полностью автоматизированным. Доля коммерческих изданий, выпущенных на основе полностью автономного машинного перевода художественных текстов, хотя и остаётся ограниченной – менее 2% в 2021 году, 3% в 2023 году и 5-7% в 2024-2025 гг. [9], что отражает сохраняющуюся потребность в экспертной художественной валидации, однако показывает тенденцию значительного роста использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в переводе художественных текстов и, соответственно, расположенность человека доверять ИИ оперирование выражением человеческих чувств и восприятий, на основе чего строятся художественные тексты; по чему можно судить: если сейчас представленная выше статистика не кажется внушительной, то, учитывая описанную прогрессию, её значения к 2030 году могут означать постепенное вытеснение «человеческого духа» из самого «душевного» стиля речи. Технологии перевода прогрессируют, переходя от простой подстановки эквивалентов к анализу контекста и попыткам имитировать авторский стиль. Тем не менее, именно экспрессивные средства остаются «камнем преткновения» для ИИ.

При переводе ЭС существует конфликт между необходимостью точной передачи содержания и сохранением экспрессивно-эмоциональной функции. Теоретическая база исследования опирается на труды Ш. Балли, который первым

выделил «экспрессивную стилистику» и описал эмоциональный аспект языка [1]. Как указывал учёный лингвист, жизнь и язык неразрывно связаны через «аффективность», и переводчик обязан транслировать эту «живую энергию», для которой нет единых словарных соответствий, в то время как машинный перевод превращает «живую аффективность» в стилистически нейтральный текст. В отечественной науке понимание экспрессивности как средства воздействия развивали В.Н. Телия [7] и И.В. Колбукова. Социально-оценочный аспект явления наиболее полно представлен в работах В.И. Шаховского [8]. Несмотря на глубокое изучение инструментов (лексики, синтаксиса), вопрос их комплексной передачи при переводе художественной прозы остается открытым, поскольку сам процесс сопряжен с рядом специфических барьеров. Прежде всего, возникают системные расхождения: различия в грамматическом строе (например, порядок слов в немецком языке как средство логического ударения) часто делают невозможным буквальный перенос экспрессивной конструкции в русский язык. Это неизбежно ведет к проблеме прагматической адекватности. Как отмечала В.Н. Телия, экспрессивность – это воздействие [7]. Сложность заключается в том, чтобы подобрать в языке перевода средства, вызывающие у читателя аналогичный эмоциональный отклик, избегая при этом «перевода слов» в ущерб «переводу смыслов». Также художественный текст требует предельной стилистической нюансировки, так как сохранение тончайших оттенков авторской иронии или пафоса критически важно: потеря даже одного компонента, например, инверсии, может полностью изменить восприятие образа [7].

Кроме того, следует учитывать: аутентичный стиль автора также может представлять особую сложность для перевода его материалов за счёт авторских, неологистичных ЭС. Например, идиостиль Германа Гессе: для автора экспрессивность не внешний декор, а, в первую очередь, фундаментальный способ существования текста. В его произведениях можно выделить три уровня реализации этого явления. Во-первых, ритмико-синтаксическая организация: по Ш. Балли, синтаксис – это динамическая структура [1]. У Германа Гессе она проявляется в «музыкальности» прозы: автор использует длинные, многосоюзные предложения, периоды и повторы, которые создают медитативный ритм, воздействующий на подсознание читателя. Во-вторых, лексическая многослойность: Герман Гессе мастерски сочетает абстрактную философскую лексику с чувственными, почти натуралистичными описаниями природы. Это создает экспрессивный контраст между «миром духа» и «миром материи». В-третьих, символизм и метафоричность: экспрессия достигается за счет использования сквозных символов (например: путь, река, игра, зеркало), которые в контексте произведений приобретают глубокую эмоциональную и оценочную нагрузку. Вышеописанные особенности стиля одного из авторов художественной литературы показывают возможный уровень сложности восприятия ЭС и, более того, их перевода, для которого фундаментальным процессом явится «прочувствовать», «пропустить через себя» и разобраться в исконном значении выражения, на основе чего будет строиться достижение эквивалентности и, что является особенно важным, адекватности перевода.

В качестве материалов исследования выбраны 12 экспрессивных средств из романов Германа Гессе «Демьян» [2], «Степной волк» [5], «Сиддхартха» [4], «Нарцисс и златоуст» [3]. Метод исследования – сопоставительно-сравнительный анализ переводов: нейронного машинного, от генеративного предобученного

трансформера, профессионального человеческого, а также варианта, предлагаемого нами по итогам анализа экспрессивного средства. Качество перевода оценивается по общим критериям, выявленным В. Н. Комиссаровым: соответствие эквивалентности, жанрово-стилистической и прагматической (получение одинаковой реакции читателей оригинала и перевода) норме [6, с. 45].

Для нейронного машинного перевода выбран сервис Yandex Translate, пользующийся спросом для перевода массивов текста. В качестве примера генеративного предобученного трансформера выбран сервис DeepSeek как один из самых популярных и доверенных GPT. Для оценки максимальных возможностей GPT введён дополнительный вариант «DeepSeek+»: для DeepSeek создан предзапрос, состоящий из информации о сложности и способах перевода экспрессивных средств, а также об особенностях стиля письма Германа Гессе. Это повлияет на исход выбора DeepSeek варианта предлагаемого им перевода, который также будет оценён.

Каждый вариант перевода экспрессивного средства по завершении его анализа и оценки будет отмечен символами + (успешный перевод), +- (эквивалентный, но не вполне адекватный перевод), – (некорректный перевод) для составления статистики по окончании исследования.

1. «*Der Vogel kämpft sich aus dem Ei*» [10, с. 60]

Возвратный глагол *sich kämpfen* означает активное усилие, прорыв с боем. Русский вариант «вылупляется» слишком пассивен, биологичен. Требуется глагол, передающий волевое преодоление. Экспрессия заключается в совмещении возвратной формы с глаголом борьбы. Глагольная система русского языка не позволяет передать ту же возвратную конструкцию без семантических потерь, и любой из доступных вариантов снижает степень описываемого действия либо требует развёрнутого описания с риском утраты афористичности, где последний вариант более приемлем, так как если вызовет такой же отклик у читателя переводного материала, как у читателя оригинала – это компенсирует потерю афористичности (необходимость в адекватности перевода превосходит потребность в эквивалентности). Подобранные нами варианты перевода: «пробивается с боем», «силой вырывается».

Прослеживается недостаток эмоциональности в версии перевода русскоязычного издательства (далее – **ИЗД**): *Птица выбирается из яйца* [2, с. 102] (-); **GPT**, **DeepSeek** без контекста сферы перевода (далее – **DS**) предоставляет аналогичный перевод (-). При этом **NMT**, **Yandex Translate** (далее **Yandex**) добавляет красок: *Птица вырывается из яйца* (+-); а **DS** с заданным промптом, описывающим особенности экспрессивного языка литературы и предложением анализа и использования представленной ему информации об особенностях перевода ЭС и литературного языка Германа Гессе (далее – **DS+**), предлагает экспрессивный вариант: *Птица рвется из яйца, пробивая скорлупу*; однако же нарушает образность добавлением «пробивая скорлупу» – в данном примере оно является излишеством (-).

2. «*Wer geboren werden will, muß eine Welt zerstören*» [10, с. 67]

Благодаря артиклю *eine* при *Welt* можно понять: «мир» здесь означает не земной шар, но внутреннюю вселенную, фундамент личности; имеет подтекст экзистенциальности. Сложность перевода прагматическая: за неимением артиклей в русском языке дословный перевод «разрушить мир» будет некорректным, так как будет понят в первую очередь «физически разрушительно». Именно такой

вариант предлагают используемые источники перевода: **ИЗД** [2, с. 108], **Yandex**, **DS**: *Кто хочет родиться, должен разрушить мир (-)*. **DS+**: *Тот, кто желает родиться, должен разрушить целый мир (-)*. **DS+** понимает: необходимо добавление, распространение понятия «мир», но выбирает неудачный вариант: добавление «целый» перед «мир» не способствует пониманию последнего в таком образе, как задумано в оригинальном тексте. Приемлемым переводом будет перевод с добавлением и заменой: «*разрушить свою вселенную*»; или же, жертвуя философичностью, «*разрушить свой внутренний мир*».

3. «*Flucht in warme Herdennähe*» [10, с. 88]

Сложность понимания и перевода ЭС вызвана окказионализмом *Herdennähe*, который фиксирует авторский концепт, не имеющее эквивалента в русском языке, а именно – «масса (толпа)» с преднамеренным акцентом на конформную тесноту и близость, которую также подчёркивает эпитет *warm*.

Перевод **ИЗД**: *Бегство в теплую стадность* [2, с. 155] (+-), – не вполне корректно по причине употребления «стадность» как общего понятия: теряется метафоричность образа. **Yandex** и **DS** пробуют развить мысль, но придают ей слишком приземлённое значение: *Побег в теплое место рядом со стадом (-)*; *Бегство в теплое соседство стада (-)*. (соответственно). Более близок к задуманному перевод **DS+**: *Бегство в согревающую тесноту стада (+-)*, однако здесь акцент делается на стаде, также не создавая исходную картину. Выходом служит смысловое развитие и замена при переводе с акцентом на понятие «тесноты» и её «уют»: «*в тёплую стадную тесноту*»; возможно также «*в тёплый, тесный уют*», имеющее лексическую несопоставимость в последнем словосочетании, но вызывающее подходящий когнитивный образ и эмоциональный отклик.

4. «*Wie ein verkleideter Prinz, der unter Bauernbuben ist und sich jede Mühe gibt, ihresgleichen zu scheinen*» [10, с. 17]

Трудность для перевода заключается в прилагательном *ihresgleichen*, описывающем состояние подобия, а также во фразеологизме *sich jede Mühe geben*, означающем полную самоотдачу в чём-либо; пока последний можем перевести как «*прилагал все усилия*», для *ihresgleichen* недостаточно перевода «подобным», так как оттенок синонимичного (для «прилагать все усилия») «чрезвычайно стараться» не коррелирует с семантикой «всего лишь подобного», и для баланса навязывается распространение перевода: добавление/стилистическая замена могут служить методом: «*как можно более похожим*», «*своим*», причём последнее – утрата стиля во благо семантического баланса выражения.

Перевод **ИЗД**: *Как переодетый принц, находящийся среди крестьянских детей и всячески старающийся казаться таким же, как они* [2, с. 29] (+), – стилистически нейтрален и является вариантом эквивалентного и адекватного перевода без излишеств, однако не передаёт экспрессивного значения «*ihresgleichen*», как и **Yandex**: *...из всех сил старается казаться похожим на них (+-)*; пока **DS** предлагает оригинальный перевод: *...из всех сил старается казаться им ровней (-)*, – но всё же неподходящий, так как «казаться ровней» автоматически воспринимается как «равняться на кого-либо выше по статусу», но не наоборот. **DS+** предлагает развитый вариант: *...который из кожи вон лезет, чтобы не отличаться от них (-)*, – но «лезть из кожи вон» несёт куда большее экспрессивное значение, чем оригинальное «прилагать все усилия» (дословно); также применено недопустимое опущение элемента «казаться»: «чтобы не

отличаться от них» (=на самом деле хотеть быть таким же, как они) невозможно употребить как синоним «казаться таким же» (= вести себя так же, как они, чтобы они не увидели чужака), требуется уловить тонкую грань различия значений, чего не смог **DS+** даже с предварительными оговорками.

5. «**Das alles blickte, klang und roch so rauschend voll, so neu und schöpfungstrunken**» [11, с. 173]

1) Герман Гессе часто противопоставляет «взрослый» прагматичный мир и чистое, почти религиозное созерцание жизни, свойственное детям и художникам, что объясняет употребление глагола *blicken* – «смотреть» – на месте подразумеваемого «выглядеть»: это та авторская стилистика, кажущаяся детским словотворчеством (в данном случае, семантически некорректная формулировка), которую стоит «разгадывать» воображением: выражение «всё смотрит ново» имеет иной образ и эмоциональный отклик, нежели «всё выглядит ново», передавая кажущуюся «живость» неживых объектов. Это средство употреблено для передачи ощущения «духовного подъема», описываемого в этот момент в книге. Таким образом, стоит отразить ЭС при переводе без потери авторского замысла – либо калькированием, либо развитием: «*всё это смотрело*», «*от всего как будто чувствовались взгляды*».

2) Также сложность представляет неологизм *schöpfungstrunken* (букв. «опьянённый творением») – авторское сложное слово, соединяющее идеи творения и экстатического опьянения. В русском необходимо создать распространённый аналог, а также применима замена части речи со смысловым развитием «*пьянящее мироздание*», «*опьяняющее течение мироздания*», «*опьяняющий процесс/ход созидания*».

В переводе **ИЗД**: *И во всем этом зрелище* (+, объяснение представлено далее), *во всех этих звуках и запахах была та бурная полнота, новизна и первозданность* [5, с. 243] (-), – представлена подходящая стилистика за счёт изменения агента действия, и поэтому возможно развитие перевод, что частично компенсирует пренебрежение «живостью окружения»; однако применено опущение «-trunken», когда его значение фундаментально для данного неологизма. **Yandex** также стирает одухотворённость, а также заменяет значение «сотворение» на более простое «творчество»: *Все это выглядело* (-), *звучало и пахло таким волнующим, таким новым и пьянящим творчеством* (+-). К данному примеру **DS** уловил особенности языка Германа Гессе: *Всё смотрело* (+), *звучало и пахло так упоительно полно, так ново и опьянённо творением* (+-); – не изменяет глагол «смотреть», но искажает образ «*schöpfungstrunken*», понимая его характеристикой начального «alles», а не его действием на созерцателя. Точно так поступает и осведомлённый **DS+**, изменивший только уровень красноречия: *Всё вокруг смотрело* (+), *звучало и пахло – упоительно полнозвучно, до новизны пьяно актом творенья* (+-).

6. «**Meine Persönlichkeit war aufgelöst im Festrausch wie Salz im Wasser**» [11, с. 147]

1) Понятие *Persönlichkeit* употреблено в значении принципа индивидуации, того, что отделяет субъект от остального мира, а простому «личность» не достаёт философичности. В русском языке есть подходящие понятия «*моё существо*», «*моё я*», приближенные по оттенку значения к смыслу оригинала.

2) Сравнение с растворением соли в воде представляет собой точную химическую метафору утраты формы и границ «я». Сложность перевода

заключается в проблеме стилистического оттенка, так как прямой перевод сравнения «как соль в воде» в русском языке обладает слабой выразительностью, образ приходится усиливать конкретизаторами, однако это ставит вопрос о пределах допустимой трансформации исходного материала. Допустимый пример: «...как растворяется крупница соли, касаясь воды».

Переводы **ИЗД** [5, с. 207], **Yandex** и **DS** однотипны: *Моя личность (+-) растворилась в праздничном хмелю, как соль в воде (+-)*; – нейтральны, но обладают недостаточной выразительностью. **DS+** же употребил необходимый аналог для *Persönlichkeit* и конкретизировал образ второго ЭС: *Моё «я» (+) растворилось в хмелю празднества, словно крупница соли в стакане воды (+-)*; – тем не менее, конкретизация «стакан» значительно упрощает образ, лишая его возможной афористичности значения «вода».

7. «...*diesen zuckenden Zwiespalt von Begehren und Angst*» [11, с. 85]

Сложность понимания и перевода данного ЭС вызвана тем, что причастие *zuckend* образовано от глагола конвульсивного движения и перенесено на абстрактное понятие *Zwiespalt*. Требуется поиск стилистически адекватной лексемы: варианты перевода *zuckenden* – «дёргающийся», «судорожный» и «конвульсивный» – различаются регистром и частотностью, поэтому для однозначности выбора необходимо расширение контекста: в моменте, откуда взята идиома, в книге описывается сон персонажа, где последний хочет взять в руку сувенир, который кажется ему живым скорпионом; по чему можем судить: «судорожный» – более подходящий вариант для ощущения того типа страха, когда в любой момент можно отстраниться от воображаемого неприятным объектом, нежели «конвульсивный», что может подходить для масштабной и неизбежной угрозы. А *Zwiespalt* требует выбора между «разладом», «расколом», но есть возможность также применить и замену дальним синонимом «несогласие» и развить добавлением дальнейший перевод: «судорожное несогласие чувств: желание против страха», – сохраняя лиричность и приземлённость экспрессии.

Перевод **ИЗД** в этом случае интересен выбором понятия «борьба»: *Этой судорожной борьбы между желанием и страхом* [5, с. 119] (+), – качественно и однозначно передающим чувства героя, определяя его негласным агентом действия. **Yandex** употребляет невозможный вариант перевода *Zwiespalt*: *Это дергающееся раздвоение желания и страха* (-), – желание и страх не являются нераздельными, потому «раздвоение» – семантически неверный перевод. **DS** предлагает базовую, приемлемую версию: *Этот судорожный разлад между желанием и страхом* (+); однако дополнительное информирование **DS+** использует во вред, придавая излишнюю драматичность: *Этот конвульсивный раздрай между алчностью и ужасом* (-), – что может звучать неуместно в контексте.

8. «*Nichts war, nichts wird sein; alles ist, alles hat Wesen und Gegenwart*» [13, с. 83]

Понятия *Wesen* и *Gegenwart* нагружены онтологическим смыслом: *Wesen* обозначает бытийную сущность, *Gegenwart* – активное присутствие в настоящем, но время отрицается как категория. Сложность перевода системная и прагматическая, поскольку русские философские термины «сущность», «бытие», «присутствие» покрывают семантику лишь частично; каждый вариант тянет за собой определённую философскую традицию, что делает перевод актом интерпретации (осмысление, понимание и перевыражение смысла). Возможные для передачи корректного экспрессивного значения варианты: для *Wesen* –

«существо» (как абстрактное существительное); для Gegenwart – устаревшее «бытность» (но не «бытие»: стоит уловить тонкую грань между значениями, где «бытность» – факт безвременного постоянного присутствия, насущности, не предполагающих каких-либо характеристик, а «бытие» несёт более широкое значение: «бытность, но облагаемая базовыми жизненными потребностями»). Адекватным переводом является «...*всё имеет существо и бытность*», однако при возвращении в контекст понятие бытности теряет вес важности своего отдельного значения по причине однокоренности с «быть» («...было, ...будет») в начале выражения, для которого невозможно применить опущение или изменение формулировки, имеющей однозначные эквиваленты во всех языках. Таким образом, необходимо пренебречь важностью понятия «бытность» и употребить более легкосмысленное «*вечное настоящее*».

В представленных вариантах перевода выявляется общая черта: подобраны аналоги, но не выстроена адекватность перевода за счёт недостаточной широты употребляемых понятий: **ИЗД**: *Ничего не было, ничего не будет: все есть, все имеет реальность и настоящее* [4, с. 163] (+-); **Yandex**: *Ничего не было, ничего не будет; все есть, все имеет сущность и присутствие* (+-); **DS**: *Ничего не было, ничего не будет; всё есть, всё имеет сущность и настоящее* (+-). Однако **DS+** улавливает стиль «откровения» текста и компенсирует узость значений изменением ритма и настроения начала выражения, тем самым создавая тот образ в повествовании, в котором «бытие» и «присутствие» могут быть восприняты в манере, приближённой к переводимым лексическим единицам: *Не было ничего, и не будет; поистине есть лишь сущее здесь и сейчас, имеющее бытие и присутствие* (+).

9. «*Stummen Kampf der Freundlichkeit, den lautlosen Krieg der Geduld*» [13, с. 93]

Использован параллелизм с оксюморонами. При переводе требуется сохранить противоречие. Однако основная сложность для перевода состоит в использовании в оригинале родительного падежа с инструментальным значением: «дружелюбие» представлено оружием битвы, а «терпение» – войны, причём нарастание от Kampf к Krieg создаёт внутреннюю драматургию. Сложность перевода прагматическая, так как родительный падеж в русском языке в аналогичных сочетаниях передаёт прежде всего принадлежность, инструментальность же прочитывается плохо. Компенсировать это возможно через добавление и изменение конструкции предложений: «*Дружелюбие как средство немой борьбы, терпение как орудие беззвучной войны*» (порядок использования «средство» и «орудие» выстроен в соответствии со степенью экспрессии значений «борьба» и «война» соответственно); либо же через использование творительного падежа: «*немую борьбу дружелюбием, беззвучную войну терпением*», что звучит более лирично и подходяще по стилю.

Однако символичное использование падежа как одного из средств экспрессии осталось незамеченным всеми источниками перевода; например, перевод **DS**: *Немую борьбу дружелюбия, безмолвную войну терпения* (-). Помимо этого, выявлены и лексические ошибки: **ИЗД**: *Немую борьбу кротости, безмолвную войну терпения* [4, с. 185] (-), – понятие «кротость» несёт оттенок, кардинально отличающийся от значения исходного Freundlichkeit; **Yandex**: *Безмолвная битва доброты, безмолвная война терпения* (-), – тавтология. При этом **DS+**, подробно уведомлённый о необходимости поиска, анализа и интерпретации экспрессии,

делает излишний акцент на понятиях, так же обходя очевидную важность описанного употребленного падежа: *Немую битву радушия, беззвучную войну смиренного терпения* (-).

10. «*Ein Ring ums Herz*» [12, с. 149]

Интерес представляет метафоричность образа: значение моральной тяжести может быть передано при переводе многочисленными способами, среди которых идиоматические выражения: «*камень на сердце*», «*груз на душе*»; экспрессивные глаголы: «[что-либо] *ложит*»; экспрессивные существительные: «*бремя*», «*тоска*»; либо же описательный перевод: «*душевное беспокойство*». Учитывая подобную вариативность, стоит опираться на стилистическую и/или образную корректность перевода, что предложено в переводе **ИЗД**: *Камень на сердце* [3, с. 145] (+). Следующие варианты не являются применимыми по причинам неадекватности перевода: **Yandex** и **DS**: *кольцо вокруг сердца* (-); **DS+**: *обруч вокруг сердца* (-).

Таким образом, по окончании анализа 12-ти (в примерах 5, 6 было выделено по два экспрессивных выражения) ЭС, получена следующая статистика: человеческий перевод (**ИЗД**) успешен в 33,3% случаев, нейронный машинный перевод (**Yandex**) – 0%, генеративный предобученный трансформер (**DS**) – 17%, GPT с заданным промптом, описывающим особенности экспрессивного языка литературы Германа Гессе и предложением анализа и использования информации из представленных ранее источников с целью выявления наиболее качественного варианта перевода (**DS+**) – 25%. Перевод эквивалентен, но не вполне адекватен (в вариантах нечеловеческого перевода требует постредактирования) в 33,3%, 50%, 33%, 25% соответственно. Перевод не выполняет задачу передачи значения ЭС оригинала эквивалентно и адекватно (в вариантах нечеловеческого перевода необходима полная переформулировка перевода) в 33,3%, 50%, 50%, 50% случаев соответственно.

Из вышеописанного нами сделан следующий вывод: человеческий перевод более успешен, чем какой-либо нейронный в среднем на 18%, что, даже не являясь высоким значением, показывает неготовность нейронных сетей анализировать эмоции и чувства в тексте. Единичными ошибками в человеческом переводе явились смена стиля и ритма оригинального выражения (однако данные изменения не являются ошибкой в случае их применения для достижения адекватности перевода), недостаток выражения экспрессии, утрата метафоричности. Проблемы нейронного машинного перевода заключены в дословном переводе (где это недопустимо), а также (что разделяет и генеративный предобученный трансформер) недостатке экспрессии, семантической и лексической некорректности. Особого внимания заслуживает прединформированный GPT, его сложности отражают лакуну человечности в нейронных сетях, а именно: распознавание экспрессивности, но акцент не на те точки выражения, которые являются ключевыми; чрезмерное стилистическое развитие и придача эмоциональности, неуместная по смыслу оригинала; нераспознавание общей картины (образа) экспрессивного средства. Единственный случай, в котором **DS+** отличается особенно положительно, – подбор точного по смыслу аналога в примере 6. Кроме того, общий недостаток нейронного перевода – невнимательность к грамматическим конструкциям как средству выражения экспрессии (пример 9) и исключение подбора стилистически подходящих идиоматичных аналогов, даже если в оригинале есть распространённый

метафоричный (а значит, с большой долей вероятности, имеющий равную по значению адекватную идиому) образ (пример 10) – это то, что доступно уловить даже не переводчику-человеку, а простому читателю, и, тем не менее, чего ИИ не удаётся добиться.

По итогам исследования показана несамостоятельность искусственного интеллекта в переводе экспрессивных средств художественной литературы по причинам недостаточного уровня понимания ИИ способов выражения экспрессии и нехватки широты его видения экспрессивных образов. Искусственный интеллект в лице нейронного машинного перевода и генеративных предобученных трансформеров может быть использован для предварительной обработки текста и получения основы материала перевода, в дальнейшем подлежащей тщательному постредактированию путём изменения/добавления переводческих лексических и грамматических трансформаций и корректировки стилистики в целях достижения эквивалентности и адекватности перевода. Результаты исследования представляют информационную значимость для переводческой деятельности. Перспективами развития темы перевода ИИ экспрессивных средств в художественной литературе являются анализ и оценка масштабов художественного мышления ИИ и выяснения его развития; исследование возможности тренировки GPT для качественного перевода явлений художественной литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Балли, Ш. Трактат по французской стилистике / Ш. Балли. – М.: Прогресс, 2001. – 312 с.
2. Гессе, Г. Демиян / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2025. – 224 с.
3. Гессе, Г. Нарцисс и Златоуст / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2023. – 320 с.
4. Гессе, Г. Сиддхартха. Путешествие к востоку / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2026. – 224 с.
5. Гессе, Г. Степной волк / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2026. – 288 с.
6. Серебрякова, А.Ю. Параметры нормативной оценки адекватного перевода / А.Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Лингвистика : научно-практический журнал. – 2014. – № 1. – С. 45-47.
7. Телия, В.Н. Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
8. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
9. Artificial intelligence, automation and the language industry / J. Moorkens, D. Kenny, F. Wiggins [et al.] // ResearchGate : scientific repository. – 2024. – 18 p.
10. Hesse, H. Demian : die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. – 208 S.
11. Hesse, H. Der Steppenwolf : Roman / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. – 421 S.
12. Hesse, H. Narziß und Goldmund : Erzählung / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. – 465 S.
13. Hesse, H. Siddhartha : eine indische Dichtung / H. Hesse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2012. – 204 S.

QUESTION AND ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO «BE HUMAN»: ANALYSIS OF AI TRANSLATION OF EXPRESSIVE MEANS

K.A. Chernik, O.N. Gorina, E.A. Selivanova

Polessky state university

Pinsk, Belarus

ksenyachernik667@gmail.com, olya.gorina.28@mail.ru, Elena-seliwanowa@mail.ru

This article examines the possibilities and problems of artificial intelligence in the translation of expressive means in fiction based on the novels of Hermann Hesse; provides statistics on the number of cases of AI translation meeting the requirements and demanding improvements; offers practical recommendations on the use of AI in the translation of literary text materials.

Keywords: artificial intelligence; expressive means; human translation; adequacy; equivalence.